

В. Маяковский

Composiciones de M. V. S. A.
O. V. S. A.

В. МАЯКОВСКИЙ

СОЧИНЕНИЯ В ОДНОМ ТОМЕ

Под общей редакцией
Н. П. АСЕЕВА, Л. В. МАЯКОВСКОЙ,
и О. ПЕРЦОВА и М. П. СЕРЕБРЯНСКОГО
Критико-биографический очерк
В. О. ПЕРЦОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА
МОСКВА 1940

В. В. МАЯКОВСКИЙ

СОЧИНЕНИЯ В ОДНОМ ТОМЕ

Под общей редакцией
Н. Н. АСЕЕВА, Л. В. МАЯКОВСКОЙ,
В. О. ПЕРЦОВА и М. И. СЕРЕБРЯНСКОГО
Критико-биографический очерк
В. О. ПЕРЦОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА“
МОСКВА 1940

„Материальную быль и осмелен
лучшею современною эпоху“.
И. Омаров

От редакции

Тексты настоящего однотомного собрания сочинений В. В. Маяковского воспроизведены в основном по Полному собранию сочинений, законченному в 1937 году. Редакция исправила ошибки, замеченные в этом издании, частью по рукописям Маяковского, где это было возможно, частью по уже подготовленным к печати томам нового двенадцатитомного собрания сочинений.

Основной принцип расположения произведений в однотомнике — хронологический. В особые самостоятельные разделы выделены поэмы, драматические произведения, Окна Роста, реклама для госторговли, статьи и речи. Выделены также стихи о загранице, стихи о поэзии, стихи детям.

Эти отступления от хронологического порядка продиктованы желанием облегчить широкому читателю освоение многостороннего творчества Маяковского.

В ряде случаев редакция использовала высказывания самого поэта о своих произведениях — его статьи и речи, отчасти прозу — в качестве «предисловий» к стихам и пьесам.

Наличие редакционных комментариев, помещенных в конце книги, указывается звездочкой у заглавия произведения.

Примечания, объясняющие смысл отдельных слов, отмечены порядковым номером. В составлении примечаний и комментариев принимали участие гг. Мирон Левин, П. Незнамов, Н. А. Соколов. Частично использованы также материалы комментариев и примечаний к Полному собранию сочинений Маяковского — В. Катаняна, Н. Реформатской, Н. Харджиева, А. Февральского.

Примечания к стихам о загранице принадлежат В. В. Маяковскому. Рисунки в тексте и вкладыши — В. В. Маяковского.

1

Маяковский не мог обойтись без стихов, даже когда говорил о вещах ных и был серьезен по существу. например, о своих обязанностях и социалистической революции в знаменитом творении «Разговор с фининспектором» он в шутку предлагал:

высчитав
действие стихов,
заработок мой
на триста

В этой гиперболе нет ни малейшего преувеличения. Действие стихов Маяковского по существу, только начинается. Читатель исполняет произведения Маяковского любой аудиторией, зал взбудоражен равнодушных, лица людей «где надо смеются», полностью доходят до кисти кованого стиха Маяковского, слышу и чувством поэта, навстречу чуждой восторженной буре благодарно вызывает на собраниях любимый оратор не самое любопытное в аудитории «непонимающих» Маяковского, которые чувствуют себя участниками общедоступных еще и по сей день хороших Маяковского оказывается оттолкнуто к самостоятельному чтению и пониманию его творчества.

Еще до сих пор в отношении Маяковского предрассудки, которые с тем можно назвать буржуазными, поскольку созданы в свое время буржуазией разоблаченной поэтом в самых перипетиях, озлобленной и раздраженной манерой держать себя. Серьезность стихов Маяковского, и

В. В. Маяковский

(Критико-биографический очерк)

I

Маяковский не мог обойтись без шутки в своих стихах, даже когда говорил о вещах очень серьезных и был серьезен по существу. Высказываясь, например, о своих обязанностях и правах поэта социалистической революции в знаменитом стихотворении «Разговор с фининспектором о поэзии», он в шутку предлагал:

высчитав
действие стихов,
разложите
зарботок мой
на триста лет.

В этой гиперболе нет ни малейшего преувеличения. Действие стихов Маяковского на массу людей, по существу, только начинается. Когда хороший чтец исполняет произведения Маяковского перед любой аудиторией, зал взбудоражен, в публике нет равнодушных, лица людей «где надо хмурятся, где надо смеются», полностью доходят чудеснейшие тонкости кованого стиха Маяковского, зал живет мыслью и чувством поэта, навстречу чтецу несется такая восторженная буря благодарности, какую вызывает на собраниях любимый оратор. Но едва ли не самое любопытное в аудитории — это группа «непонимающих» Маяковского, которые растерянно чувствуют себя участниками общей радости. Для многих еще и по сей день хорошее исполнение стихов Маяковского оказывается открытием поэта, толчком к самостоятельному чтению и углубленному пониманию его творчества.

Еще до сих пор в отношении Маяковского держатся предрассудки, которые с тем большим правом можно назвать буржуазными, поскольку они были созданы в свое время буржуазией, высмеянной и разоблаченной поэтом в самых первых его выступлениях, озлобленной и раздраженной его творчеством и манерой держать себя. Серьезность и содержательность стихов Маяковского, новизна и нежиз-

данность его образов объявлялись бессмыслицей. Здесь было не только нежелание понять новое, но и желание не дать его понять, отгородить поэта от читателя. На упреки в «непонятности» лучше всего ответил сам поэт в одном из своих выступлений:

«Нужно сделать так, чтобы, не уменьшая серьезности своих вещей, сделать стихотворения нужными массе, т. е., когда стихотворение возьмут, положат на руку и прочтут его пять раз и скажут — хотя было и трудно понять, но, понявши, мы обогатили свой мозг, свое воображение, еще больше отточили свою волю к борьбе за социализм».

Некоторых шокирует так называемая «грубость» Маяковского. Вовсе не возводя грубость в какой-то новый поэтический канон, не стремясь быть резким без надобности, Маяковский в то же время говорил о том, что он «ухо словом не привык ласкать». Он знал, что победивший социализм, новые отношения между людьми вытеснят из языка такие слова, как «проституция, туберкулез, блокада». Но он также ясно отлавливал себе отчет в том, что революция выбросила на улицу словесный опыт миллионов, который не может не стать одним из истоков нового поэтического языка. А с другой стороны, в борьбе с врагами, с пережитками капитализма революционный поэт не может быть чистоплюем, и долго еще шершавый язык полемики, травли негодного останется одной из благородных литературных традиций революционной поэзии.

Если и после смерти Маяковского его личность и творчество вызывают страстный, противоречивый интерес, борьбу и споры, то, в свете исторической оценки товарища Сталина, громадное значение приобретает осознание жизненного и творческого пути поэта, осознание тех сил, которые подготовили лучшего поэтического выразителя эпохи социализма.

Собирание материалов для биографии Маяковского только началось. Сам Маяковский мало чем помог своему биографу — рукописей не хранил, не вел дневников, вовсе не дорожил материалами, характеризующими отношение к нему литератур-

ных современников. Все это было несовместимо со стилем его неустроенной, лихорадочной жизни. О своих стихах он говорил, что они готовы к смерти и к бессмертной славе, выдвигая на первый план вовсе не себя как автора, а ту цель, которая их породила. «Пускай нам общим памятником будет построенный в боях социализм» — вот девиз его поэзии, который стал уже творческим девизом борьбы всех работников социалистического народа.

Слава и величие Маяковского — это отражение славы и величия революции, вызвавшей к жизни, взрастившей и воспитавшей эту колоссальную творческую силу.

Родина Владимира Маяковского — Грузия, село Багдади, где его отец, Владимир Константинович Маяковский, занимал должность лесничего. Семья Маяковских — мать Александра Алексеевна, сестра Люда и брат Костя (вскоре умерший) — переехала в Багдади в 1889 году. Здесь в маленьком деревенском домике, расположенном вблизи быстрой, горной речки Ханис-Цхали, среди величественной горной природы Кавказа, 19(7) июля 1893 года родился будущий поэт. О днях и людях своего детства, о багдадских небесах Маяковский всегда вспоминал с благодарной нежностью:

Я знаю:

глупость — эдемы и рай.

Но если

пелось про это,

должно быть,

Грузию,

радостный край

подразумевали поэты.

Может быть, то чувство простора, независимой силы и громадных масштабов, которыми полна его поэзия, Маяковский вынес уже от первых впечатлений бытия.

Отец Маяковского по своей должности лесничего был связан повседневными деловыми отношениями с местным населением, которое видело в нем, несмотря на сюртук чиновника министерства государственных имуществ, справедливого человека, всегда готового прийти на помощь нуждающемуся. Этот веселый, общительный русский, огромного роста, с громовым голосом, сумел завоевать себе большую популярность среди грузинских крестьян. Дом Владимира Константиновича был всегда открыт для друзей, которых у него было множество среди местных жителей. Простой, трудовой быт семьи окружал будущего поэта, чувствовавшего себя привольно в семье и среди сверстников — крестьянских ребят, от которых он выучился отлично говорить по-грузински.

Александра Алексеевна с детьми, которым нужно было учиться, переехала в Кутаиси. Здесь будущий поэт поступил в кутаисскую гимназию. 1905 год

в Кутаисской губернии, где крестьянское движение приняло исключительно острые формы, оставил неизгладимое впечатление в душе мальчика. Трудящиеся Кавказа, находившиеся на положении колонии русского царизма, испытывали на себе двойной гнет — капиталистический и национальный. Грузинские студенты-революционеры были своими людьми в доме Маяковских. Увлекаемый примером сестер, двенадцатилетний Володя Маяковский бегал на собрания социал-демократического кружка молодежи. В автобиографии он так вспоминал об этом времени:

«Приехала сестра из Москвы. Восторженная. Тайком дала мне длинные бумажки. Правильно: очень рискованно. Помню и сейчас. Первая:

Опомнись, товарищ, опомнись-ка, брат,
скорей брось винтовку на землю.

И еще какое-то, с окончанием:

а не то путь иной

к немцам с сыном, с женой и мамашей...

(о царе).

Это была революция. Это было стихами. Стихи и революция как-то объединялись в голове...

...Меня ввели в марксистский кружок. Попал на «Эрфуртскую». Середина. О «лumpен-пролетариате». Стал считать себя социал-демократом: стащил отцовские берданки в эсдекий комитет...

Семья Маяковских была близка с семьей В. С. Алексеева-Месхиева, который стоял во главе грузинского театра в Кутаиси. Этот театр в 1905 году был не только культурным, но и революционным центром грузинской интеллигенции. Особенным успехом пользовались пьесы, созвучные революционным настроениям, которые ставились вопреки полицейским запретам: «Ткачи» Гауптмана, «Жан и Мадлена», «Кай Гракх».

Володя Маяковский был частым посетителем театра. Во время одного из утренников началась стрельба по театру. Актеры вышли на улицу и соединились с демонстрацией. Возле театра была устроена баррикада из декораций и театральной мебели. Улица сплошь была усеяна лежавшими окровавленными людьми. Расправа царского генерала Алиханова-Аварского с революционным населением закончилась тем, что алихановцы подошли к городу. Полиция заряжала керосином пожарные брандспойты. Кутаиси был в пламени, многие семьи, связанные с революционным движением, принуждены были оставить город. Среди беженцев были и Алексеевы-Месхиевы. Память о Кавказе была жива в Маяковском не только пейзажем, но и как память о 1905 годе.

В 1906 году умер Владимир Константинович от заражения крови, укола палец иголкой при спи-

вании бумаж. Семья Маяковских, старшей сестры Людмилы, которая у геновском художественно-промышленном переулке переехала в Москву, где будущий поэт в четвертый класс 5-й московской гимназии, революционный накал, получивший в Кутаиси, не остывал.

В Москве, еще больше, чем в Кутаиси, Маяковский становится местом притяжения — кутаисских земляков, связанных революционным подпольем. Из круга студентов Маяковского нельзя было владеть глазами, худой, долговязый, пристроившись на диванчике в коммуне, просиживал целые вечера, вслушиваясь в политические споры. Просил у студентов «что-нибудь революционное». Предисловие Карла Маркса произвело на него впечатление. В синенькой ленинской записке экономно отгиснутой, без полей, для «просовывания», — «Две тактики социализма» — Маяковский нашел приложение к предисловия Маркса к России. Страдает не только от развития капитализма, но также и от развития. Мертвый хватает живого.

Эти уроки, которые Маяковский учил студентов, и были тем «средним», тем первоначальным знанием, которое, будучи усвоены в юности, на всю жизнь, входят в плоть и кровь.

В начале 1908 года к студенту Московского университета Вегеру, известному под кличкой «Поволжец», явился молодой человек, о себе следующее: больше приехал в Москву с Кавказа, где был революционным социал-демократическим молодежью, и хочет теперь работать организации РСДРП. На обычные вопросы: с кем связан в Москве? кто пришедший дал ответы, вполне соответствующие требованиям конспирации. Поволжец ряд вопросов, чтобы выяснить его позицию. Маяковский очень толково складку пропагандиста, объяснил, и класс должен быть гегемоном революции над собой крестьянство.

Поволжцу стало ясно, что партия своя, и он направил его на организацию в Лефортовский район. Так совершил пятнадцатилетнего Маяковского в большевиков. Здесь важно отметить, что вступал в борьбу не на гребне революции, а в самый тяжелый период поражений рабочего класса, когда большая часть даже интеллигенции уже отходила от револю-

вации бумаг. Семья Маяковских, по настоянию старшей сестры Людмилы, которая училась в Строгановском художественно-промышленном училище, переехала в Москву, где будущий поэт был принят в четвертый класс 5-й московской гимназии. Однако революционный навал, полученный Маяковским в Кутаиси, не остывал.

В Москве, еще больше, чем в Кутаиси, квартира Маяковских становится местом притяжения студентов — кутаисских земляков, связанных с революционным подпольем. Из комнаты жильцов студентов Маяковского нельзя было вытянуть. С пылающими глазами, худой, долговязый подросток, пристроившись на диванчике в комнате жильцов, просиживал целые вечера, вслушиваясь в политические споры. Просил у студентов дать почитать «что-нибудь революционное». Предисловие к «Капиталу» Карла Маркса произвело на него огромное впечатление. В синей ленинской брошюрке, экономно оттиснутой, без полей, для нелегального «просовывания», — «Две тактики социал-демократии» — Маяковский нашел приложение основной мысли предисловия Маркса к России. Русский народ страдает не только от развития капиталистического способа производства, но также и от недостатка его развития. Мертвый хватает живого...

Эти уроки, которые Маяковский усваивал в комнате студентов, и были тем «средним образованием», теми первоначальными знаниями о мире, которые, будучи усвоены в юности, запоминаются на всю жизнь, входят в плоть и кровь.

В начале 1908 года к студенту Московского университета Вегеру, известному под революционной кличкой «Поволжец», явился молодой парень, сообщивший о себе следующее: больше года назад он приехал в Москву с Кавказа, где был связан с революционными социал-демократическими кружками молодежи, и хочет теперь работать в московской организации РСДРП. На обычные вопросы: кого знает? с кем связан в Москве? кто направил? — пришедший дал ответы, вполне соответствующие требованиям конспирации. Поволжец задал юноше ряд вопросов, чтобы выяснить его политическую позицию. Маяковский очень толково, обнаруживая складку пропагандиста, объяснил, почему рабочий класс должен быть гегемоном революции, ведущим за собой крестьянство.

Поволжцу стало ясно, что парень подходящий, свой, и он направил его на организационную работу в Лефортовский район. Так совершилось вступление пятнадцатилетнего Маяковского в ряды партии большевиков. Здесь важно отметить, что Маяковский вступал в борьбу не на гребне революционной волны, а в самый тяжелый период поражений русского рабочего класса, когда большая часть даже передовой интеллигенции уже отходила от революционной работы.

Повидимому, первые шаги Маяковского в качестве члена партии были оценены товарищами. Прошло немного времени, и Маяковский был уже кооптирован в районный комитет РСДРП и с головой окунулся в новую для него работу. Он был горд доверием товарищей, теперь уже не гимназистов и не студентов — земляков его семьи, а революционеров-рабочих, которые обращались к нему по-деловому, никак не выделяя из своей среды. Для многих из своих новых знакомых он уже потерял фамилию и был известен только по полученной им партийной кличке «Константин».

На этой работе Маяковский был арестован по делу о тайной типографии МК РСДРП и должен был быть предан суду Московской судебной палаты. Первое заключение было кратковременным: Маяковский как несовершеннолетний был выпущен до суда под ответственность родителей. Второй арест был случайным. Суд по разным причинам откладывался, и дело Маяковского еще не было рассмотрено, когда он был в третий раз арестован по связи с побегом женщины-каторжанки из Новинской женской тюрьмы, в подготовке которого принимала участие семья Маяковских.

18 августа 1909 года Маяковский был переведен из Мясницкого полицейского дома в Бутырскую тюрьму. Здесь, в одиночке № 103, он провел 5 месяцев. При тюрьме была библиотека; в последние годы разросся отдел классиков, русских и иностранных, были даже новинки — журналы, альманахи. Между своими было заведено правило: все книги, полученные с воли, шли на пополнение тюремной библиотеки. Маяковский набросился на чтение. На откидном столике камеры № 103 появились новинки современной беллетристики. Маяковский требовал книги по каталогу тюремной библиотеки, переходя все установленные нормы выписки книг, — вне очереди и без ограничения можно было получать библию и прочее «божественное».

«Перечитал все новейшее», — глухо говорит Маяковский в автобиографии. Что было новейшим в то время? На этот вопрос можно ответить свидетельством современника, активного участника литературной жизни того времени. В конце 1908 года Андрей Белый в одном из публичных рефератов о новейшей литературе говорил:

«Если я назову имена Горького, Андреева, Куприна, Зайцева, Арцыбашева, Каменского, Дымова, Чирикова, Мережковского, Сологуба, Ремизова; поэтов: Брюсова, Блока, Бальмонта, Бунина, Вяч. Иванова и к ним приближающихся, то со мной согласятся, что я коснусь современной литературы».

Первые три—пять имен и в группе прозаиков, и в группе поэтов дают в основном правильное представление о ведущих писателях 1908—1909 годов.

одовщину его смерти — 14 апреля
печал на него:

», к сердцу свинец неся,
тотонную сталь ствола,
гашетки нажал не сам,
руна твою вела...

ю дал Маяковскому товарищ
шана всем в 1935 году. Сталин
Маяковского в поэзии советской
е число людей начинает читать и
ю, обогащая свои чувства и вообра-
вою волю к борьбе за социализм.
ностью охватить преобразующую
в создании будущей коммунисти-
Поэт, выразивший борьбу нового
туре на грани двух эпох, принадле-

эзии потоки,

рез лирические томики,
и

с живыми говоря,

(«Во весь голос».)

в коммунистическом обществе обес-
й рост. Но борьба между новым
ити всегда.

г трудно людям, прокладывающим
в культуре ли, в науке, в технике,
ия Маяковского всегда будет их

овского, руганное, пробитое пуля-
длинного художника, дравшегося за
е двух эпох, когда ложная мудрость
особенно страшна и сильна.

В. Перцов

Семья Маяковских. Нутаиси. 1905 г.

ПРОТОКОЛЪ ДОПРОСА ОБВИНЯЕМОГО	
1907 года <u>Мартъ 8</u> дня, Судебный Следователь <u>по повелению</u> <u>Директоръ</u> <u>и</u> <u>Секретарь</u> <u>Суда</u> <u>допрашивали</u> по настоящему изъясненію обвиняемаго <u>Владимирова Николаевича</u>, и онъ въ присутствіи переводчикаго разсказалъ, по 103 ст. Уст. Уг. Суда, слѣдующее:	
ВОПРОСЫ:	ОТВѢТЫ:
1. Имя, отчество и фамилія.	<u>Владимиръ Владимировичъ Марсѣ</u>
2. Возрастъ.	<u>40 лѣтъ</u>
3. Мѣсто рожденія.	<u>Симбирскъ Казанской губерніи</u>
4. Мѣсто крещенія. Имя, отчество и фамилія родителей и покровителей.	<u>в с. Бугоръ. Владимиръ Константиновичъ Александровъ (дядя) и Евдокия Александровна</u>
5. Мѣсто призыва	<u>изъ деревни казанской губерніи</u>
6. Настоящее мѣстожительство.	<u>Москва, в в. Пятницкомъ слободѣ у Бугора ав. № 12</u>
7. Родженіе.	<u>Финское</u>
8. Званіе.	<u>дворянинъ</u>
9. Народность и племя.	<u>Русскій</u>
10. Религія.	<u>православный</u>
11. Степень образованія и грамотности.	<u>Вспомог. изъ 5 класса Московск. 5-го Казанскаго гимназій и въ 1-й классъ; знаетъ и въ 1-й классъ</u>
12. Семейное положеніе.	<u>Въ 1-й классъ; знаетъ и въ 1-й классъ</u>

Протокол допроса В. В. Маяковского
Первый арест, 1908 г.

Бессонница, аи
Бессонница
Бессонница
Маяковскому
М. Горький
Сыну моему
посвящаю.

Автограф М. Горького на книге „Детство“,
подаренной им в 1915 г. В. В. Маяковскому:
„Без слов, от души Владимиру Владимировичу
Маяковскому. М. Горький“.

СТИХ

А ВЫ МОГЛИ БЫ?

Я сразу смазал карту будня,
плеснувши краску из стакана;
я показал на блюде студия
косые скулы океана.
На чешуе жестяной рыбы
прочел я зовы новых губ.
А вы
ноктюрн сыграть
могли бы
на флейте водосточных труб?

КОЕ-ЧТО ПРО ПЕТЕРБУРГ

Слезают слезы с крыши в трубы,
к руке реки чертя полосы;
а в неба свисшие губы
воткнули каменные соски.

И небу — стихши — ясно стало:
туда, где моря блещет блюдо,
сырой погонщик гнал устало
Невы двугорбого верблюда.

НА ТЕБЕ!

Через час отсюда в чистый переулочек
вытечет по человеку ваш обрюзгший жид,
а я вам открыл столько стихов шкатулочку
я — бесценных слов мот и транжир.

Вот вы, мужчина, у вас в усах капуста
где-то недокушанных, недоеденных щей;
В. Маяковский

№ 1. Октябрь, 24 декабря 1917 г.

цѣна 40 к

СОЛЫН

НАШИ ДНИ.

ЖУРНАЛЪ
ПРОЛЕТАРСКОЙ
САТИРЫ.Быть анахоретом и рабочим нуд.
День твой последний приходит, буржуй В. Маяковский.Ветер, пролетарий, злодейский.
Весь мир голодных и рабов. (Интернационал)

где-то
разжился Албанией.
Сцепилась злость человеческих свор,
падает на мир за ударом удар
только для того,
чтоб бесплатно
Босфор
проходили чьи-то суда.
Скоро
у мира
не останется неполоманного ребра.
И душу вытащат.
И растопчут там ее
только для того,
чтоб кто-то
к рукам прибрал
Месопотамию.
Во имя чего
сапог
землю растаптывает скрипящ и груб?
Кто над небом боев —
Свобода?
Бог?
Рубли!
Когда же встанешь во весь рост
ты,
отдающий жизнь свою им?
Когда же в лицо им бросишь вопрос:
За что воюем?

ЕШЬ АНАНАСЫ *

Ешь ананасы,
рябчиков жуй!
День твой последний
приходит,
буржуй!

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ
БАСНЯ

Петух однажды,
дог
и вор ⁴⁹
такой скрепили договор:
дог
соберет из догов свору,

накрасть предоставлялось вору,
а петуху
про гром побед
орать,
и будет всем обед.
Но это все раскрылось скоро.
Прогнали
с трона
в шею
вора.

Навертывается мораль:
туда же
догу
не пора ль?

и тут пьют! —
хозяин в яри:
тетка, что же!

дый пролетарий
хочет тоже. —
ль знать, как есть и пить! —
ти в злости.
ни тетку бить,
ль
и гости.

ный
на шум
из части.
ба:

— Ой,
прошу,
власти! —

та власть сия
запонища...
та
мигом
вся

бы пища.

молвит, — благ в Крыму —
буржуя,

куму,
провоку я. —

и скороход
ой дверью,
етка ход —
ью.

мою,
ли?

м раю
ли?

АМ И ВЛАСАМ

усть местам летит,
есня басом,
и. Старший Тит
братом Власом.

Был у крестьян у этих дом,
превыше всех домишек.
За домом был амбар, и в нем
всегда был хлеба лишек.

Был младший, Влас, умен и тих.
А Тит был глуп, как камень.
Изба раз распалась у них.
Пол гнется под ногами.

«Смерть без гвоздей, — промолвил Тит, —
коша миллион заплотить,
не то, что хату сколотить,
и гроб не заколотить».

Тит горько плачет без гвоздей,
а Влас обдумал случай
и рек: «Чем зря искать везде,
езжай, брат, в город лучше».

Телега молнией летит.
Тит снарядился скоро.
Гвоздей достать поехал Тит
в большой соседний город.

Приехал в этот город Тит
и с грустью смотрит сильной:
труба чего-то не коптит
над фабрикой гвоздильной.

Вбегает за гвоздями Тит,
но в мастерской холодной
рабочий зря без дел сидит.
«Я, — говорит, — голодный».

Дай, Тит, рабочим хлеб взаимы,
мы здесь сидим не жавши,
а долг вернем гвоздями мы
крестьянам, хлеба давшим».

Взярился Тит. — «Не дам, не дам
я хлеба дармоеду.
Не дам я хлеба городам,
и без гвоздя доеду».

В село обратно Тит летит, —
от бега от такого
свалился конь. И видит Тит:
оторвалась подкова.

Пустяк ее приколотить,
да нету ни гвоздишка.
И стал в лесу в ночевку Тит,
и Тит, и лошадишка.

Нет ни коня, ни Тита нет...
Селом ходили толки,
что этих двух во цвете лет
в лесу сожрали волки.

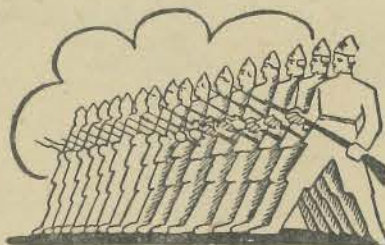
Телега снова собралась.
Не вспомнив Тита даже,
в соседний город гонит Влас, —
нельзя им без гвоздя же.

Вбежал в гвоздильню умный Влас,
рабочий дышит еле.
«Коль хлеб не получу от вас,
умру в конце недели».

Влас молвил, Тита поумней:
«Ну что ж, бери, родимый;
наделаешь гвоздей и мне
ужо заплатишь им».

Рабочий сыт, во весь свой пыл
в трубу дымище гонит.
Плуги, и гвозди, и серпы
деревне мчит в вагоне.

Ясней сей песни нет, ей-ей,
кривые бросим толки.
Везите, братцы, хлеб скорей,
чтоб вас не съели волки.

СКАЗКА О ДЕЗЕРТИРЕ,
устроившемся недуренько,
и о том, какая участь постигла
его самого и семью шкурника

Хоть пока
победила
крестьянская рать,
хоть пока
на границах мир,
но не время
еще
в землю штык втыкать,

красных армий
ряды крепки!
Чтоб вовеки
не смел
никакой Керзон
брат на-пушку,
горланить ноты, —
даже землю паша,
помни

сабельный звон,
помни
марш
атакующей
роты.

Молодцом
на коня боевого влазь,
по земле
пехотинья пеший.

С неба
землю всю
глазами оглазь,
на железного
коршуна
севши.

Мир пока,
но на страже
красных годов

стой
на нашей
красной вышке.

Будь смел.
Будь умел.
Будь
всегда
готов

первым
ринуться
в первой вспышке.

Кто
из вас
ее крещен
военным огнем,
кто считает,
что шкурнику
лучше?

Прочитай про это,
подумай о нем,
вникни
в этот сказочный случай.

Защищая
рабоче-крестьянскую Русь,
встали
фронтами
красноармейцы.

Но — как в стаде
овца паршивая —
и меж их рядами
имеется.
Жил
в одном во полку
Силеверст Рябой.
Голова у Рябого —
пробкова.

Чуть пойдет
наш полк
против белых
в бой,
а его
и не видно,
робкого.

Дело ясное:
бьется рать,
горяча,
против
барско-буржуйского ига.

У Рябого я
буду
я
на рожон прыгать?»

Встал стеною полк,
фронт раскинул
свой.
Силеверст
стоит в карауле.

Подымает
пуля за пулей
вой.
Силеверст
испугался пули.

Дома
печь да щи.
Замечтал
Силеверст.

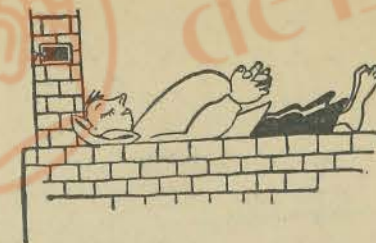
Бабы
рожа
встала
из воздуха.
Да как дернет Рябой!
пробежал
без единого
розыха.

Вот и холм,
а там
и дом за холмом,
будет
дома
в скором времечке.
Вот и холм пробежал,
вот плетень
и дом,
вот
жена его
лускает
семечки.
Прибежал,
пошел лобызаться
с женой,

чаю выдул —
стаканов до тыщи;
задремал,
заснул
и храпит,
как Ной, —
с ГПУ
и то
не сыщешь.

А на фронте
враг
видит:
полк с дырой,
враг
пролазит
щелью этою.

А за ним
и золотозады
рой
лезет в дырку,
блестит эполетою.
Поп,
урядник —
сивуха
течет по усам,
с ним —
петля
и прочие вещи.
Между ними —
царь
самодержец сам,
за царем —
кулак
да помещик.

Лезут,
в радости,
ах не чуют ног,
где
и сколько занято мест ими?!
Пролетария
гнут в бараний рог,
сыплют
в спину крестьян
манифестами.

Отошла
земля
к живоглотам назад,
наложили
наложница
тяжкие.

Лишь свистит
в урядничьей ручке
лозья—
знай, всыпает
и в спину
и в ляжки.

Улизнувшие
бары
едут в дом.

Мчит буржуй.
Не видали три года, никак.

Снова
школьника
поп
обучает крестом —
уважать заставляет
угодников.

В то село пришли,
где храпел
Силеверст.

Видят —
выглядит
дом
аккуратненько.

Тычет
в хату Рябого
исправничий
перст,
посылает занять
урядника.

Дурню
снится сон:
де в раю живет
и галушки
лопает тыщами.

Вдруг
как хватит
его
крокоди

То урядник
хватил
сапожища
«Как ты смеешь спать,
такой

мать твою растак
да раззтак
Я тебя запорю,
я тебя засек
и повешу
тебя
напоследок!» —

«Барин!» —
взвыв Силеверст

Нынче
сына
даем
не царям на зарез,—
за себя
этот боище
начат.
Провожая
рекрутов
молодое,
проводяй поя,
а не плача.

Чтоб помещики
вновь
не в пример
Силеверсту бедняге, —
проводя
сынов,
давайте наказ:
будьте
верными
Красной присяге.

ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЧКА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Слава тебе, красноезвездный герой,
землю кровью вымыв,
во славу коммуны,
к горе за горой
шедший твердынями Крыма!
Они проползали танками рвы,
выпятив пушек шею, —
телами рвы заполняли вы,
по трупам пройдя перешеек.
Они
за окопами взрыли окоп,
хлестали свинцовой рекою, —
а вы
отобрали у них Перекоп
чуть не голой рукою.
Не только тобой завоеван Крым
и белых разбита орава, —

удар твой двойной:
завоевано им
трудиться великое право.
И если
в солнце жизнь суждена
за этими днями хмурыми,
мы знаем —
вашей отвагой она
взята в перекопском штурме.
В одну благодарность сливаем слова
тебе,
красноезвездная лава.
Вовеки веков, товарищи,
вам —
слава, слава, слава!

О ДРЯНИ

Слава, слава, слава героям!!!
Впрочем,
им
довольно воздали дани.
Теперь
поговорим
о дряни.

Утихомирились бури революционных лон.
Подернулась тиной советская мешанина.
И вылезло
из-за спины РСФСР
мурло
мещанина.

(Меня не поймаете на слове,
я вовсе не против мещанского сословия.
Мещанам
без различия классов и сословий
мое славословие.)
Со всех необъятных российских нив,
с первого дня советского рождения
стеклись они,
наскоро оперенья переменяв,
и засели во все учреждения.

Намозолив от пятилетнего сидения зады,
крепкие, как умывальники,
живут и поныне —
тише воды.
Свили уютные кабинеты и спальни.

И вечером
та или иная мразь,
на жену,
за пианином обучающуюся, глядя,

говорит,
от самовара размор.
«Товарищ Надя!
К празднику прибавь
24 тыщи.
Тариф.

Эх,
и заведу я себе
тихоокеанские галифе,
чтоб из штанов
выглядывать
как коралловый риф.
А Надя:
«И мне с эмблемами
Без серпа и молота.
В чем
сегодня
буду фигурировать я
на балу в Реввоенсо.
На стенке Маркс.
Рамочка ала.
На «Известиях» леж.
А из-под потолка
верещала
оголтелая канарейка.

Маркс со стенки смел
И вдруг
разинул рот,
да как заорет:
«Опутали революцию
Страннее Врангеля
Скорее
голова канарейкам
чтоб коммунизм
канарейками не был.

СКАЗКА ДЛЯ ПРО ШАХТЕРОВ И КАМЕННЫХ

Раз шахтеры
шахты б
распустили нони:
мол, шахтерки подре
обносились чуни.
Мимо шахты шел ше
втерся тихим вдром.
Нищету увидев ту,
речь повел к шахтера
«Большевистский этот
хуже, дескать, ада.
Нет сапог, а уголь да
Бастовать бы надо!
Что за жизнь, — не ж

Вдруг
как хватит
его
крокодил
за живот!

То урядник
хватил
сапожниками.
«Как ты смеешь спать,
такой-рассякой,

мать твою растак
да раззтак!
Я тебя запорю,
я тебя засеку
и повешу
тебя
напоследок!» —

«Барин!» —
взвыл Силеверст,
а его
кнутом

хвать помещик
по сытой роже.
«Подавай
и себя,
и поля,
и дом,
и жену
помещику
тоже!»
И пошел
прошибать
Силеверста
пот,
вновь
припомнил
барщины мѹку,

а жена его
на дворе
у господ
грудью
кормит
барскую сѹку.

Сей истории
прост
и ясен сказ, —
посмотри,
как наказаны дурни.
Чтобы то же
не стряслось и у вас,
да не будет
меж вами
шкурник.

говорит,
от самовара разморюсь:
«Товарищ Надя!
К празднику прибавка —
24 тыщи.
Тариф.
Эх,
и заведу я себе
тихоокеанские галифища,
чтоб из штанов
выглядывать
как коралловый риф!»
А Надя:
«И мне с эмблемами платья.
Без серпа и молота не покажешься в свете!
В чем
сегодня
буду фигурировать я
на балу в Реввоенсовете?!»
На стенке Маркс.
Рамочка ала.
На «Известиях» лежа, котенок греется.
А из-под потолка
верещала
оголтелая канарейка.

Маркс со стенки смотрел, смотрел...
И вдруг
разинул рот,
да как заорет:
«Опутали революцию обывательщины нити.
Страшнее Врангеля обывательский быт.
Скорее
головы канарейкам сверните —
чтоб коммунизм
канарейками не был побит!»

СКАЗКА ДЛЯ ШАХТЕРА-ДРУГА ПРО ШАХТЕРКИ, ЧУНИ И КАМЕННЫЙ УГОЛЬ

Раз шахтеры
шахты близ
распустили нюни:
мол, шахтерки продрались,
обносились чуни.
Мимо шахты шел шептун,
втерся тихим вóром.
Нищету увидев ту,
речь повел к шахтерам:
«Большевистский этот рай
хуже, дескать, ада.
Нет сапог, а уголь дай.
Бастовать бы надо!
Что за жизнь, — не жизнь, а гроб...»

Вдруг
забойщик ловкий
шептуна
с помоста сгреб,
вниз спустил головкой.
«Слово мне позвольте взять!
Брось, шахтер, надежды!
Если будем так стоять, —
будем без одежды.
Не сошьет сапожки бог,
не обуе ноженки.
Настоишься без сапог,
помощь жди от боженьки.
Чтоб одели голяков,
фабрик нужен ряд нам.
Дашь для фабрик угольков, —
будешь жить нарядным.
Эй, шахтер,

куда ни глянь,
от тепла

до света,
даже пища от угля —
от угля все это.
Даже с хлебом будет туго,
если нету угля.
Нет угля —

нету плуга.
Пальцем вспашешь луг ли?!
Что без угля будешь есть?
Чем еду посолишь?
Чем хлеба и соль привезть
без угля изволишь?
Вся страна разорена.
Где ж работать было,
если силой всей она
вражьей силы была?
Биты белые в боях.
Все за труд!

За пользу!

Эй, рабочий,
Русь твоя!
Возроди и пользуй!
Все добудь своей рукой —
сапоги,
рубаху!

ПРО ТИТА И ВАНЬКУ
случай, показывающий,
что безбожнику много лучше

Жил Тит.
Таких много!
Вся надежда у него на
господа-бога.

Был Тит,
как колода, глуп.
Пока не станет плечам горячо,
Машет Тит
со лба на пуп
да с правого
на левое плечо.

Иной раз досадно даже.
Говоришь:
«Чем тыкать фигой в пуп —
дрова коли!
Наколел бы сажень,

а то
и целый куб».
Но сколько на Тита ни ори,
Тит
не слушает слов:
шепчет Тит языком тропари
да «Часослов».

Раз
у Тита
в поле
гроза закуролесила чересчур люто.
А Тит говорит:
«В господней воле...

Помолюсь,
попрошу своего Илью-то».
Послушал молитву Тита Илья
да как вдарит
по всем
по Титовым жильям!
И осталось у Тита —
крещеная башка
да от набы
углей
полтора мешка.

Обнищал Тит:
проселки месит пятой.

Не помогли
ни бог-отец,
ни сын,
ни дух святой.

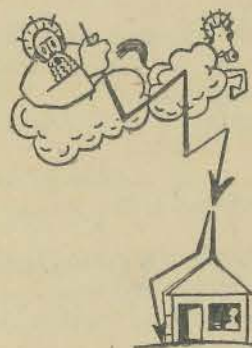
А Иванов Ваня —
другого сорта:

не верит
ни в бога,
ни в чорта.

Товарищи у Ваньки —
сплошь одни агрономы
да механики.
Чем Илье молиться круглый год,
Ванька взял
и провел громоотвод.

Гремит Илья,
молнии лья,
а не может перейти Иванов порог.
При громоотводе —
бессилен сам Илья-

пророк.
Ударит молния
Ваньке в шпиль —
и
хвост в землю
прячет куцо.

А у Иванова —
даже
не тронулась пыль!

Сидит
и хлещет
чай с блюдца.
Вывод сам лезет в дверь
(не надо голову ломать в муче!);
крестьянин,
ни в какого бога не верь,
а верь науке.

Так махни ж, шахтер, киркой —
бей по углю смаху!..»

И призыв горячий мой
не дослушав даже,
забывать пошли забой,
что ни день — то сажень.
Сгреб отгребщик уголь вон,
вбил крепильщик клетки,
а по штрекам

коногон
гонит вагонетки.

В труд ушедши с головой,
вагонетки эти
принимает стволовой,
нагружает клетки.
Вывав тыщей дружных сил
из подземных сводов,
мчали уголь по Руси,
черный хлеб заводов.
Встал от сна России труп —
ожила громада,
дым дымит с фабричных труб,
всё творим, что надо.

Сапоги для всех, кто бос,
куртки всем, кто голы,
развозил электровоз
чрез леса и доли.
И шахтер одет,
обут,
носом в табачишке.
А еды! —

Бери хоть пуд —
всякой снеси лишки.
Жизнь привольна и легка.
Светит уголь,
греется.
Все у нас —
до молока
птичьего —
имеется.

Я, конечно, сказку сплел,
но скажу для друга:

будет вправду это всё,
если будет уголь!

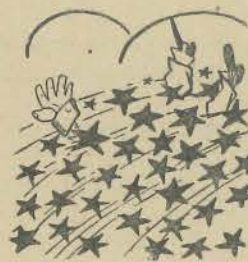
РАНЬШЕ И ТЕПЕРЬ

РАНЬШЕ:

«Мы победим!» —
говорили мы.

«Утопия, —
говорила буржуазия. —
В порошок сотру,
лень только нагибаться до
пола!»
А через несколько времени
в утопии и утопла.

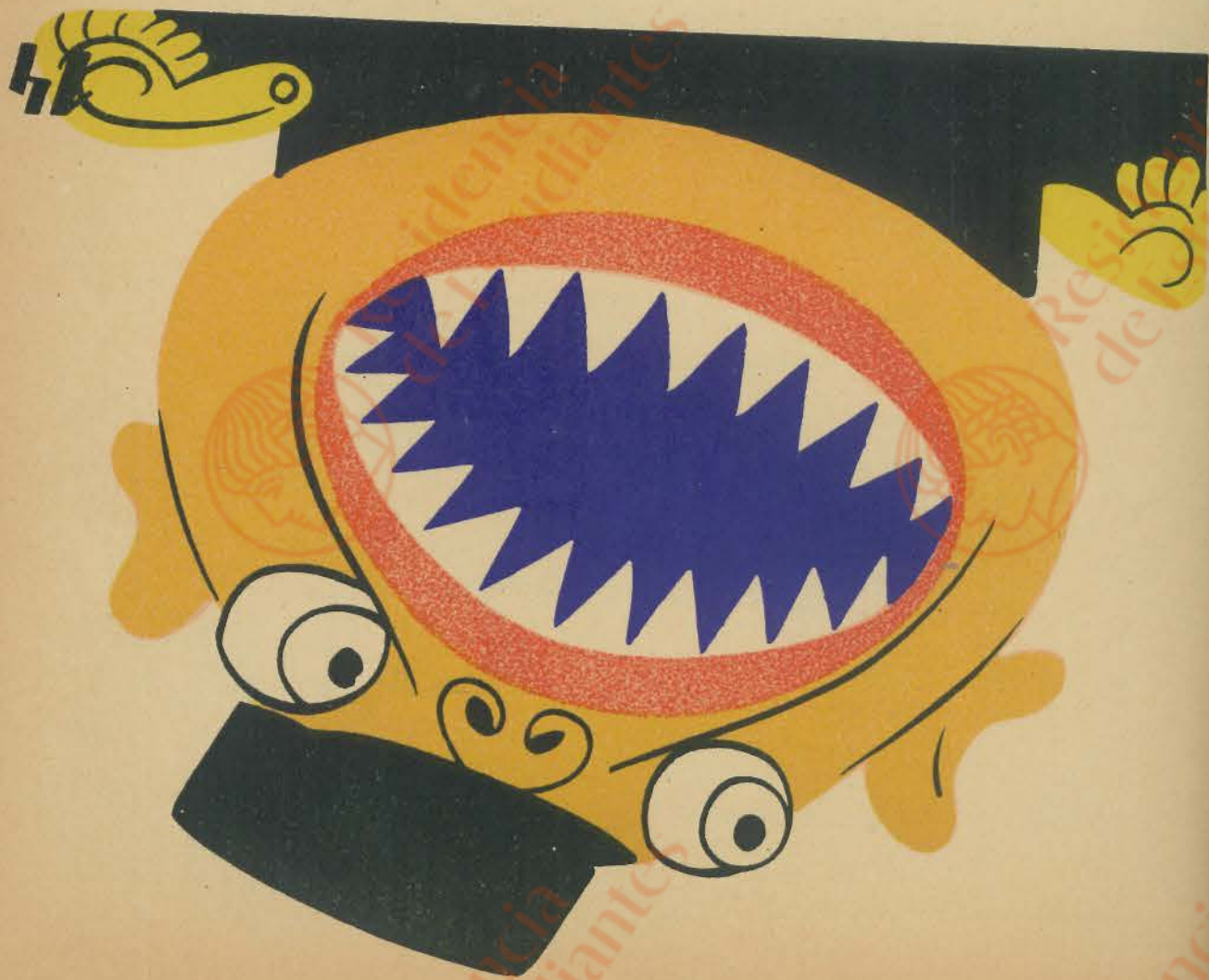
ТЕПЕРЬ:

На электрификацию
глазками пучится.

14) ТОВАРИЩИ! БОЙТЕСЬ ПОПАСТЬ
 В ТАКИЕ ПАСТЬ
 ЧТОБЫ С НАМИ НИКОГДА
 НЕ СЛУЧИЛОСЬ ЭТО
 (СМЯТОМЯ
 ВПАСТЬ УРПЕННЫ СОРЕТОР!
 ГЛАВНО/ИТИПОРЕТ № 146.

ОКНА РОСТА. РИСУНОК И ТЕКСТ Б. МАРКОВСКОГО

Пока не укрепитсЯ красное знамя, Винтовка не может быть брошена нами.

НАРКОМПРОС РОСТА №149

КРАСИВ И РАЗЗОЛОЧЕН
НО ТОЛЬКО -ЭХ!
ДЛЯ ЗУБ БУРЖУА ОЧЕНЬ
ТЯЖЕЛ ОРЕХ

ОКНА РОСТА. Рисунки и текст В. Маяковского

«Утопия! —
говорит, —
ничего
Дождетесь, буржуи!
Будет Нью-Йорк в Тетюх

ДВА НЕ СОВСЕМ
СЛУЧАЯ *

Ежедневно,
как вол жуя,
стараясь за строчки драть
я
не стану писать про Пово
про ЭТО —
страшно врать.
Но я голодал,
и тысяч лучше я
знаю проклятое слово — «
Вот два
не совсем обычные случая
на ненависть к голоду сам
Первый. —
Кто из петербуржцев
забудет 18-й год?!
Над дохлым лошадем вор
Лошадь за лошадью падает
Заколачиваются улицы ро
Хвостом вилая,
на перекрестках
собаки дрессированные
просили милостыню, визжа
Газетам писать не хватало
но это ж передавалось изус
старик
удушил
жену-старуху
и ел частями.
Злился —
невкусно.
Слухи такие

5 В. Маяковский

«Утопия! —
говорит, —
ничего не получится!»
Дождетесь, буржуи!
Будет Нью-Йорк в Тетюшах,
будет рай в Шуче.

ДВА НЕ СОВСЕМ ОБЫЧНЫХ
СЛУЧАЯ *

Ежедневно,
как вол жуя,
стараясь за строчки драть, —
я
не стану писать про Поволжье:
про ЭТО —
страшно врать.
Но я голодал,
и тысяч лучше я
знаю проклятое слово — «голодные!»
Вот два
не совсем обычные случая,
на ненависть к голоду самые годные.
Первый. —
Кто из петербуржцев
забудет 18-й год?!
Над дохлым лошадем вороны кружатся.
Лошадь за лошадью падает на лед.
Заколачиваются улицы ровные.
Хвостом виляя,
на перекрестках
собаки дрессированные
просили милостыню, визжа и лая.
Газетам писать не хватало духу —
но это ж передавалось изустно:
старик
удушил
жену-старуху
и ел частями.
Злился —
невкусно.
Слухи такие

5 В. Маяковский

и мрущим от голода,
и сытым сумели глотки свести.
Из каждой поры огромного города
росло ненасытное желание есть.
От слухов и голода двигаясь еле,
раз
сам я,
с голодной тоской,
остановился у витрины Эйлерса —
цветочный магазин на углу Морской.
Малы — аж не видно! — цветочные точки,
нули ж у цен
необъятны длиною!
По булке должно быть в любом лепесточке.
И вдруг,
смотрю,
меж витриной и мною —
фигурка человечья.
Идет и валится.
У фигурки ковская голова.
Идет.
И в собственные ноздри
пальцы
воткнула.
Три или два.
Глаза открытые мухи обсели,
а сбоку
жила из шеи торчала.
Из жилы
капли по улицам сеялись
и стыли черно, кровавее сначала.
Смотрел и смотрел на ползущую тень я,
дрожа от сознания невыносимого,
что полуживотное это —
виденье!
что это
людей вымирающих символ.
От этого ужаса я — на попятный.
Ищу машинально чернеющий след.
И к туше лошажьей припелся по пятнам.
Где ж голова?
Головы и нет!
А возле
с каплями крови присохлой,
блестел вершок перочинного ножичка —
должно быть,
тот
работал над дохлой
и толстую шею кромсал поемножечко.
Я понял:
не символ
стихом позволоченный,
лодская
реальная тень прошагала.
Быть может,
завтра

ЛИКИ
РИЗНАЮЩУЮ

РАССКАЗ О ТОМ,
КАК ИЗ-ЗА ПУГОВИЦЫ
ГОЛОВА ПРОПАДАЕТ
ДЕШЕВЛЕ ЛУКОВИЦЫ

У Иванова на шинели
пуговица одна держалась еле.
Не пришел Иванов.
Пуговица малость
поносилась и оборвалась.
Гуляет Иванов, не беспокоясь нимало.
Только хлястик сзади хвостом раздувало.
Раз
пришел в казарму боевой приказ.
И Иванов, неряха
пошел на фронт бить ляхов.

Замолк шрапнельный дьявольский вой,
и дело дошло до атаки штыковой.
Иванов — храбрец:
винтовка наперевес, —
первый через ляшье заграждение полез.
Да посмотрите на это несчастье-ка —
за сук зацепился петлею хлястика.
Иванов на суку повис —
ни взад, ни вперед,
ни вверх, ни вниз.
Сладить с висячим дешево стóит, —
всадили ему штык под ребро шестое.
Мораль большая и в рассказе имеется, —
видна с любого расстояния:
— Товарищи красноармейцы,
берегите свое достоиние!

17 АПРЕЛЯ

Мы
о царском плене
забыли за 5 лет.
Но тех,
за нас убитых на Лене,
никогда не забудем.
Нет!
Россия вздрогнула от гнева злобного,
когда,
через тайгу,
до нас,
от ленского места лобного, —
донесся расстрела гул.
Легли,
легли Октября буревестники,
глядели Сибири снега: —
их
безоружных
под пуль песенки
топтала жандарма нога.
И когда
фабрикантище ловкий
золотые
горстями загребал,
липла
с каждой
с пятирублевки
кровь
упятанных тундрам в гроба.
Но напрасно старался Терещенко
смыть
восставших
с лица рудника.
Эти
первые в троне трещинки
не залижет никто.
Никак.
Разгуделась весть о расстреле,
и до нынче
гудит заряд,
по российскому небу растрелясь,
Октябрем разгорелась заря.
Нынче
с золота смыты пятна.
Наши
тыщи сияющих жил.
Наше золото
взяли обратно.
Приказали:
— Рабочим служи! —
Мы
сомкнулись красными ртами.
Быстра шагов краснофлагих града.
Никакой не посмеет ротмистр

сыпать пули по нашим рядам.
Нынче
течем мы.
Красная лава.
Песня под лавой
свободная пенится,
Первая
наша
благодарная слава
вам, Ленцы.

НИ ЗНАХАРЬ, НИ БОГ,
НИ АНГЕЛЫ БОГА —
КРЕСТЬЯНСТВУ НЕ ПОДМОГА

Мы
сбросили с себя
помещичье ярмо,
мы
белых выбили,
наш враг
полег, исколот;
мы
побеждаем
вожский мор и голод,
мы
не даем
разрухе
нас топтать ногами,
мы победили,
но не для того ж,
чтоб очугиться
под богамн,

чтоб взвилась
вновь,
старья вздымая пыль,
воронья стая
и сорочья,
чтоб снова
загнусли попы,

ики лед.

день
самый синий,
милиционеры

ьсины.

ь дешевле,
проще.

е,
лучающаяся детвора

ветской площади,

урал

или менее ясны.

ительно мира ведь.

относительно весны

же урегулировать.

том,
лучше

о, —

о!

ий.

и сказ

ОКНА РОСТА. Рисунок В. Маяковского

1. ШТЫК КРАСНОГВАРДЕЙЦА
ВОЗМОЖНОСТЬ ДАЛ.

2. ФЛАГ ОКТЯБРЬСКИЙ
ВОДРУЗИТЬ АЛ

3. ТОЛЬКО ШТЫК КРАСНО-
АРМЕЙЦА ОХРАНИЛ ЭТО
ЗНАМИ

4. ОКТЯБРЬСКУЮ РЕВОЛЮ-
ЦИЮ ЗАКРЕПИЛ ЗА
НАМИ

5. ТОЛЬКО С ПОМОЩЬЮ
КРАСНОАРМЕЙЦЕВ
ЗНАМЯ ЭТО

6. ДОНЕСЕМ ДО ОСВОБОЖДЕНИЯ
ВСЕГО СВЕТА

7. ТАК СТАРАЙСЯ-Ж
КАЖДЫЙ

8. ОКТЯБРЮ В ЧЕСТЬ
РАБОТУ ПО УКРЕПЛЕНИЮ
АРМИИ ВЕСТЬ

ГЛАВПОЛИТОПРОСВЕТ №103.

ОКНА РОСТА. Рисунки и текст В. Маяковского

о чудовище —
Змее-Г
Нынче
этот змей
объя
только нынче
выгляде
Раз завидя,
вовсеки у
чешуя его
цвета зеле
миллион зубов, —
как

под губой
у змеища с
Этот змеище зол,
этот
пасть —
верста,
а не
Жрет в округе все,
а
Скоп сжирает
и хаты
Лишь зайвится он, —

Миг —
и поле Горыны
Все ему неси,
служи,
сам же лапу соси
год
Деревушка.
Прильнет
в деревушке —
ни кл

Подползает к селу,
хвс
и мужик
голодный и
Зажигается пузо в т
лишь глазами взг
Дух сивушный
дымил
Самогон — змеищево
Он
болезнью вползает
Он
раздорами кормитс
От него
вырастает хол
в горб изгорбится г
От него,
расцветают ни

6 В. Маяковский

1. ТОВАРИЩИ! ПОЧЕМУ В ЕВРОПЕ
ДО СИХ ПОР НЕТ СОВЕТОВ,
А БУРЖУИ У ВЛАСТИ?

2. ПОТОМУ, ЧТО ТАМ ПРИМАЗАЛИСЬ
К РАБОЧИМ МЕНЬШЕВИКИ-
РЕФОРМИСТЫ

3. ТРИ КОРОБА НАОБЕЩАЕТ ТАКОЙ РАБОЧЕМУ
А ГЛЯДИШЬ НА ДЕЛЕ - БУРЖУЮ
ДРУГ ИСТЫЙ

4. ЗАПОМНИТЕ ЭТО ТОВАРИЩИ!
ЕДИНСТВЕННАЯ ВАША
РАБОЧАЯ ПАРТИЯ -
КОММУНИСТЫ!

НАРКОМПРОС РОСТА №539.

ОКНА РОСТА. Рисунки и текст В. Маяковского

1) ХОЛЕРУ НЕСЕТ
ГРЯЗЬ

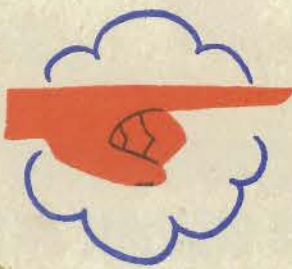
ЧТО ДЕЛАТЬ ЧТО БЫ НЕ УМЕРЕТЬ ОТ ХОЛЕРЫ

2) И СЫРЬЕ ПРИМИТЕ МЕРЫ.
ПОБЕДИТЕ ЕЕ.

ГРАЖДАНИИ!
3) ЧТО-Б НЕ УМЕРЕТЬ ОТ
ХОЛЕРЫ

4) ЗАРАНЕЕ ПРИНИМАЙ
ТАКИЕ МЕРЫ :

5) НЕ ПЕЙ СЫРОЙ
ВОДЫ

6) ВОДУ ОНУЮ ПЕЙ
ТОЛЬКО КИПАЧЕНУЮ.

7) ТАК ЖЕ НЕ ПЕЙ
НА УЛИЦЕ КВАСА

8) ВОДУ КИПАТИТЬ -
РАБОТЫ МАССА

9) ЧТОБ С КВАСОМ СВО-
ИМ ПОСПЕТЬ РАНО

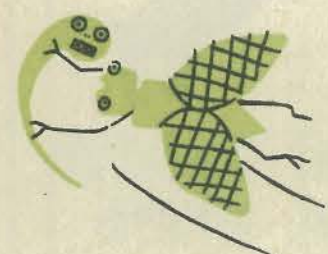
10) ПРОСТО ПРИГОТОВЛЯЮТ
ЕГО ИЗ ПОД КРАНА.

11) НЕ ЕШЬ ОВОЩЕЙ
И ФРУКТ СЫРЫХ

12) СНАЧАЛА КИПАТКОМ
ОБДАВАЙ ИХ

13) ЕСЛИ МУХА МЧИТ
ВО ВСЬ ДУХ

14) ПРЯЧЬ ПИЩУ
ЗАРАЗА ОТ МУХ.

ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ №183

ОКНА РОСТА. Рисунки и текст В. Маяковского.

по облакам свистя.
Мы — летчики
республики
рабочих и
Где не проехать
конни
где не пройти
ногам, —

там
только
летчик гонит
за птицами врага.
Вперед!

Сквозь тучи-ко
Летим,
крылом блестя.
Мы — летчики
республики
рабочих и

Себя
с врагом померять
дор
кровью рдя,
до самой
небей тверди

коммуны
утвердя.
Наш флаг
меж звезд
по

рабочью
власть
растя.
Мы — летчики,
мы —
рабочих и крестьян!

БУДУЩИЙ БЫТ
сегодня
Комната —
это,
конечно

В ней
ни пикников не

Но все ж
не по мне —

при моей,
при компле

7 В. Маяковский

! ВСЕ **КУРИЛЬЩИКИ,**
ВСЕГДА И ВЕЗДЕ
ОТДАЮТ ПРЕДПОЧТЕНИЕ
КРАСНОЙ ЗВЕЗДЕ

НИГДЕ **КРОМЕ** **КАК В МОССЕЛЬПРОМЕ**

Реклама для киосков Моссельпрома. Текст В. Маяковского. Оформление А. Родченко. 1923 г.

НАМИ ОСТАВЛЯЮТСЯ
ОТ СТАРОГО МИРА
ТОЛЬКО ПАПИРОСЫ
ИРА

НИГДЕ **КРОМЕ** **КАК В МОССЕЛЬПРОМЕ**

Реклама для киосков Моссельпрома. Текст В. Маяковского. Оформление А. Родченко. 1923 г.

Плакат Мосполиграфа. Текст В. Маяковского. Оформление А. Родченко. 1923 г.

КАРАМЕЛЬ
«КРАСНОАРМЕЙСКАЯ ЗВ»
(Тенеты для конфет)

1
Если на фронте опасность
наша защита — красноарме

2
Сунулся было Колчак в пр
только того адмирала и ви

3
Вздумалось лезть генералу
красноармеец Деникина в

4
Врангеля шлюет помещики
Скинули Врангеля в Черн

5
Шел Юденич на Красный
да о штыки бока повытер.

6
Теперь передышка, — воет
домой возвратился и взял

8 В. Маяковский

восьми, из десяти человек
натке.
евных летних мексиканских
ает протоптанные ниже тро-
ит вонючими лужами.
елкие худосочные дети едят
дающийся здесь же и храня-
грязными тряпками, на ко-
сам торговец.

орых еще есть 12 сантимов,
» — этой своеобразной мек-
украшенной коврами сарапи
ерала Боливара, с пестрыми
грусами вместо дверей.

ке, без еды, портит сердце
сорока годам индеец с одыш-
ловатым животом. И это —
Истребиных Когтей, охотни-
то, — обобранная американ-
ими империалистами стра-
орой до открытия Америки
даже не считалось драгоцен-
ана, в которой сейчас не ку-
рунта, а должен искать его на
рне. Серебро американское.
На севере Мексики во владе-
тые железные дороги и про-
едному техническому слову.
ой она чорт! Лианы, попу-
и, это — на юге, это — мек-
иканцам? Тигров, что ли,
сть на кисточки для бритвы?
иканцам. Им — голодная

ана мира, уже посаженная
империализмом на голод-

ается поздно, в 8—9 часов.
и, слесарные, сапожные и
кие, все электрифициро-
для обпиливания и кра-
югами для глажения сразу
мастерскими — правитель-

их автомобилей попеременно
ряскими грязными автобу-
ьней и не вместительней
ка.

с автобусами и авто раз-
й.

ри больше чем страстном
иферов приобретает прямо

то, авто вместе гоняются
ообща въезжают на тро-
бдуманными пешеходами.

В. В. Маяковский в Нью-Йорке. 1925 г.

дворик. Дворик усажен всякой цветущей тропичностью. Перед всеми домами обнимающая дворик двух-трех-четырёхэтажная терраса, обитая зеленью, увешанная горшками с ползучими растениями и клетками попугаев.

Целое огромное американское кафе Самборн устроено так: застеклена крыша над двориком — вот и все.

Это — испанский тип домов, завезенный сюда завоевателями.

От старого восьмисотлетнего Мехико, — когда все это пространство, занимаемое городом, было озеро, обнесённое вулканами, и только на островочке стояло пуэбло, своеобразный город-дом-коммуна, тысяч на 40 человек, — от этого ацтекского города не осталось и следа.

Зато масса дворцов и домов первого завоевателя Мексики — Кортеса и его эпохи, недолгого царя Итурбиды, да церкви, церкви и монастыри. Их много больше 10 000 расставлено в Мексике.

И огромные новые соборы, вроде брата Нотр-Дама, от кафедрала на площади Сокола до маленькой церковки в старом городе, без окон, заплесневевшей и зацветшей. Она брошена лет двести назад после сражения монахов с кем-то, — вот и стоит дворик, в котором еще и сейчас валяется допотопное оружие, в том порядке, — вернее, беспорядке, — в котором побросали его разбитые осажденные. И мимо огромных книг на деревянных подставках носятся летучие мыши и ласточки.

Правда, упомянутым кафедралем для молений пользуются мало, — у кафедрала с одной стороны вход, а с другой — четыре выхода на четыре улицы. Мексиканские синьорины и синьориты пользуются собором как проходным двором для того, чтобы, оставив в ожидании шофера впечатление религиозной невинности, выскользнуть с другой стороны в объятия любовника или под руку поклонника.

Хотя церковные земли конфискованы, процессии религиозные запрещены правительством, но это остается только на бумаге. На деле, кроме попов, религию блюдут и множество своеобразных организаций: «Рыцари Колумба», «Общество дам-католичек», «Общество молодых католиков» и т. д.

Это — дома и здания, на которых останавливаются гиды и Куки. Дома истории — дома попов и дома богатых.

Коммунисты показывали мне кварталы бедняков, мелких подмастерьев, безработных. Эти домики лепятся друг к другу, как ларьки на Сухаревке, но с еще большей грязью. В этих домах нет окон, и в открытые двери видно, как

лепятся семьи из восьми, из десяти человек в одной такой комнатке.

Во время ежедневных летних мексиканских дождей вода заливает протоптанные ниже тротуаров полы и стоит вонючими лужами.

Перед дверьми мелкие худосочные дети едят вареный манс, продающийся здесь же и хранящийся теплым под грязными тряпками, на которых ночью спит сам торговец.

Взрослые, у которых еще есть 12 сантимов, сидят в «пулькерей» — этой своеобразной мексиканской пивной, украшенной коврами сарапи с изображением генерала Боливара, с пестрыми лентами или стеклярусами вместо дверей.

Кактусовый пульке, без еды, портит сердце и желудок. И уже к сорока годам индеец с одышкой, индеец с одутловатым животом. И это — потомок стальных Ястребиных Когтей, охотников за скальпами! Это, — обобранная американскими цивилизующими империалистами страна, — страна, в которой до открытия Америки валяющееся серебро даже не считалось драгоценным металлом, — страна, в которой сейчас не купишь и серебряного фунта, а должен искать его на Волстрит в Нью-Йорке. Серебро американское, нефть американская. На севере Мексики во владении американцев и густые железные дороги и промышленность по последнему техническому слову.

А экзотика — на кой она чорт! Лягушки, попугаи, тигры и малярии, это — на юге, это — мексиканцам. Что американцам? Тигров, что ли, ловить да стричь шерсть на кисточки для бритвы?

Тигры — это мексиканцам. Им — голодная экзотика.

Самая богатая страна мира, уже посаженная северо-американским империализмом на голодный паек.

Жизнь города начинается поздно, в 8—9 часов.

Открываются рынки, слесарные, сапожные и портняжные мастерские, все электрифицированные, со станками для обпиливания и крашения каблучков, с утюгами для глажения сразу всего костюма. За мастерскими — правительственные учреждения.

Масса такси и частных автомобилей вперемежку с демократическими тряскими грязными автобусами, не комфортабельней и не вместительней нашего грузового полка.

Авто конкурируют с автобусами и авто разных фирм между собой.

Эта конкуренция при больше чем страстном характере испанцев-шоферов приобретает прямо боевые формы.

Авто гоняется за авто, авто вместе гоняются за автобусом, а все сообща въезжают на тротуары, охотясь за необдуманными пешеходами.

В. В. Маяковский в Мексике. 1925 г.

Мехико-сити — место несчастных.

Шофер в Мексике (регистрация сам!), поэтому без увечий десять и каждого. Правда, ечение двадцати лет, в пять лет уже раз.

В отличие от вщества — автомобильную роль. Они.

Часто видишь не с плачущими родо катафалке покойник во-всю с массой зв.

Своеобразная эле.

Сравнительно с (роду на улицах м с садами, протяжен телей всего 600 тыс).

Уличных реклам зается одна. Мексик

почек накидывает. Да все такси украш

нии женщиной — ре.

Единственная рек удивляющийся мекс продажа. Этими рас

Самые солидные фир без распродажи мен пить даже фиговый.

В мексиканских у ворят, муниципалит став, вводящих в М ния чересчур натур

В М
В
ВХОД

Магазинная экзоти для заезжих, скупа американок. К их чересчур яркие сара рахаться все ослы Г неным ацтекским к пугаями из настоя Мексиканец чаще ост ными магазинами и цузов, мебели — аме

Иностранных пред чество. Когда в праз лавки подняли флаг думать, что мы во Ф

Наибольшими тор зуются Германия, не

13 В. Маяковский

даже всю Северную —
рали, присвоили и вме-
ерик.
зо называть себя Амери-
взяли силой, дредноу-
ия страх на соседние

юткое трехмесячное пре-
громыхивали железным
ексиканцев по поводу
национализации своих
ых недр; посылали от-
то правительству, про-
м народом; недвусмы-
что в случае неуплаты
хлебная Канада; того
перед конференцией об
та то посылали своих
помощь французам, то
санцелюбцами и из гу-
ивали летчиков обратно.
й: гони монету — полу-

III. одно и то же —
ко оформил это дельце
кретов, назвав себя и
г. Напрасен протестую-
республик и даже дру-
з (например Соединен-
образующих Америку.
ь окончательно аннек-

словом?
о это за американская
с?
ко из окон вагона.
к Америке это звучит
ся она вдоль и поперек
ут рядом то четыре, то
а этими линиями толь-
ом новые линии новых
ний. Единого распи-
я цель этих линий не
их интересов, а доллар
им промышленником.
какой-нибудь станции
верены, что это самый
ный способ сообщения
городами. Тем более,
ресс, каждый — курь-
й.

в Нью-Йорк идет 32
и 20 — и все называ-

и, заложив за ленту
Так хладнокровней.

В. В. Маяковский в Мексике. 1925 г.

В. В. Маяковский в Мексике. 1925 г.

Не надо нервничать, по-
лер привычной рукой лег-
удивляется, если там би-
вы едете спальным пуль-
славленным и считающим
фортабельным и удобны-
ство организатора будет
вечером, потрясено бесс-
ней. В 9 часов вечера д-
ломать, опускают востла-
разворачивают постели,
палки, нанизывают кол-
хотом вставляют желез-
эти хитрые приспособле-
жение, чтобы по бокам и
в два яруса двадцать с-
весками, оставив посреди
а пролаз.

Чтобы пролезть во врем-
жонглировать двумя негр-
щиков, головой ушедши

Повернешь, выведешь
ку вагона, — вдвоем, ос-
влезания на второй ярус-
ся, — затем меняешься с-
ратно влазишь в вагон.
рабочно придерживаете
навески во избежание
напротив вас раздевают
них организаторш какого-
христианских девушек.

Во время работы вы за-
ную высовывающиеся и-
ноги, и — проклинаемый
дит вразвалку по всем м-
нается вакханалия разбор
вагона в «сидящий вид».

Наше европейское делен-
стких вагонов куда цел-
ской пульмановской систе-

Что меня совсем удив-
опоздания поездов в Аме-
несчастных причин.

Мне необходимо было
Чикаго выехать ночью и
фию — экспрессной езды 2
ночи шел только один поез-
и кассир, несмотря на пя-
садки, не мог и не хот-
точности прибытия к ваг-
прибавил, что шансов и
Возможно, что уклончи-
желанием опозорить конк-

На остановках пассаж-
пают пучки сельдерея и
корешки.

14 В. Маяковский

ТОВ В АКАЦІИ,

III.

Этих работ,

он и работ

РАТНИКЪ.

des Belpu

2MOT EN OLYMPIEN:

634
 635

!Tnələŋ

ИНТЕЛИГЕНТЪ

— ИЛИ И ОТЧЕТЫ,

..:LOPC

1801

1924 г. (фото А. Родченко)

1924 г.

(Фото А. Родченко)

не ему
Стёпа разг
творит

без волокит

У Стёпы
нез

заменяет
инс

потому что

а папаша —

В результат

обволакивае

в эти
горы

не
некоторые

на
Не говорят

не изменить

Лежнев зар

Вешнев
— «о

Ч Е Т Ы Р Е

В центре мн

оправдывает
Чтоб книгу

н

наворачивает

Лицо
тысячегл

электричеств
Вшивают

в М.

49 И. Малков

райские кущи.
отечества
ерть
и молодечество».

ый трутень, —
ш, что труден.
ет
ен.

воды глоток.
сытую пасть,
изнет коготок,
ке —
пропасть.
из «интеллигентс сервис»,
нцы»

ь и стерва,
ого,
лубы обсели
агентства.
т из Марсея,

В. В. Маяковский на Красной площади в Москве 1 мая 1928 г.

(Фото Б. Игнатович)

В. В. Маяковский среди красноармейцев на книжном базаре
в Москве. 1928 г.

из Дув

С песне

сыты по
Киями

воды хо
Смотря

лодки
Плывут
снаряд

И
мино
с мина
А

пова

с пуш

сверх-

Разны

тучи

с ави

пе-

ре-

После

Горло

Ткне

в Ка

куда

ков

стои

буль

Со в

25

Выступление В. В. Маяковского перед красноармейцами.
Москва, Октябрьские лагеря. 1929 г.

но будет
над миром
затона небеса
но не
уны
полезней продавцы
или о том
писать.
Теперь
если пере
и если еще
на обшнй завод на
идея
с обеда
мы знаем
пролетарской победы
и Ленин
организатор победы

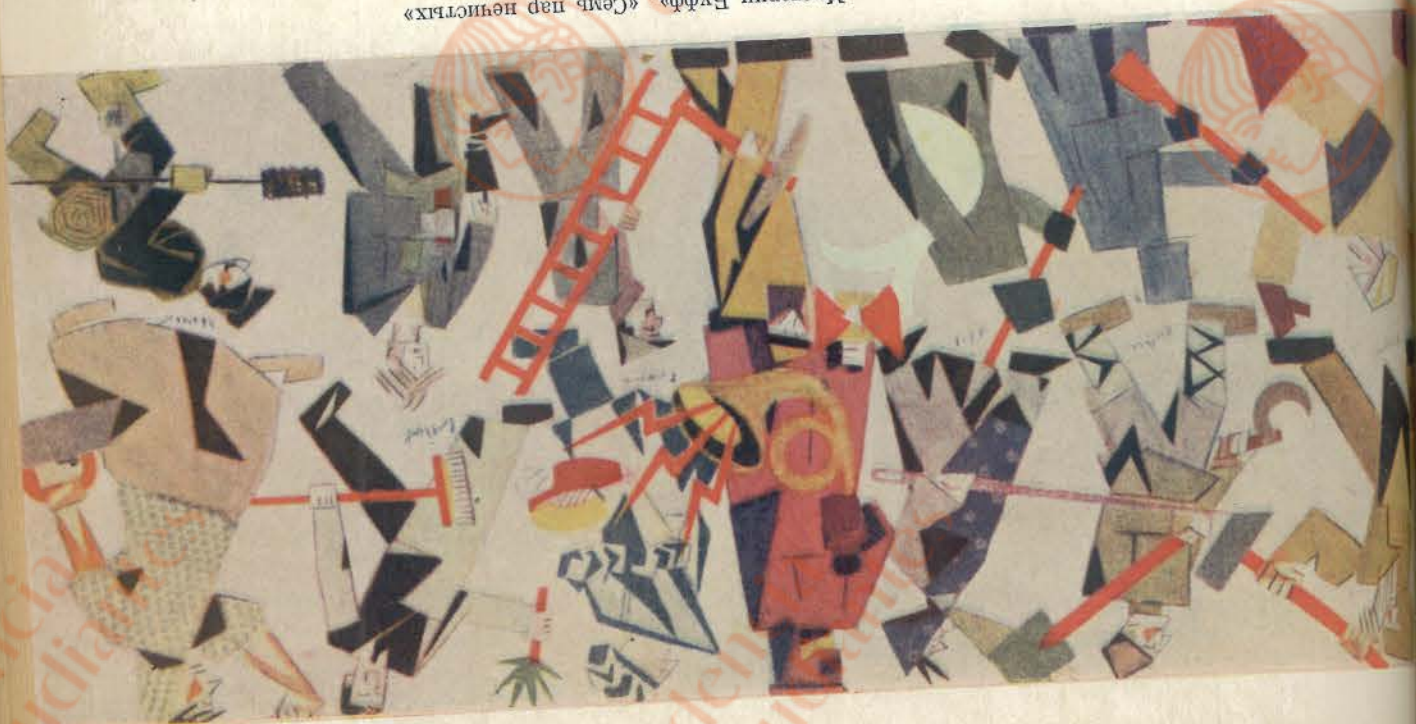
Автограф В. В. Маяковского
(Поэма „Владимир Ильич Ленин“).

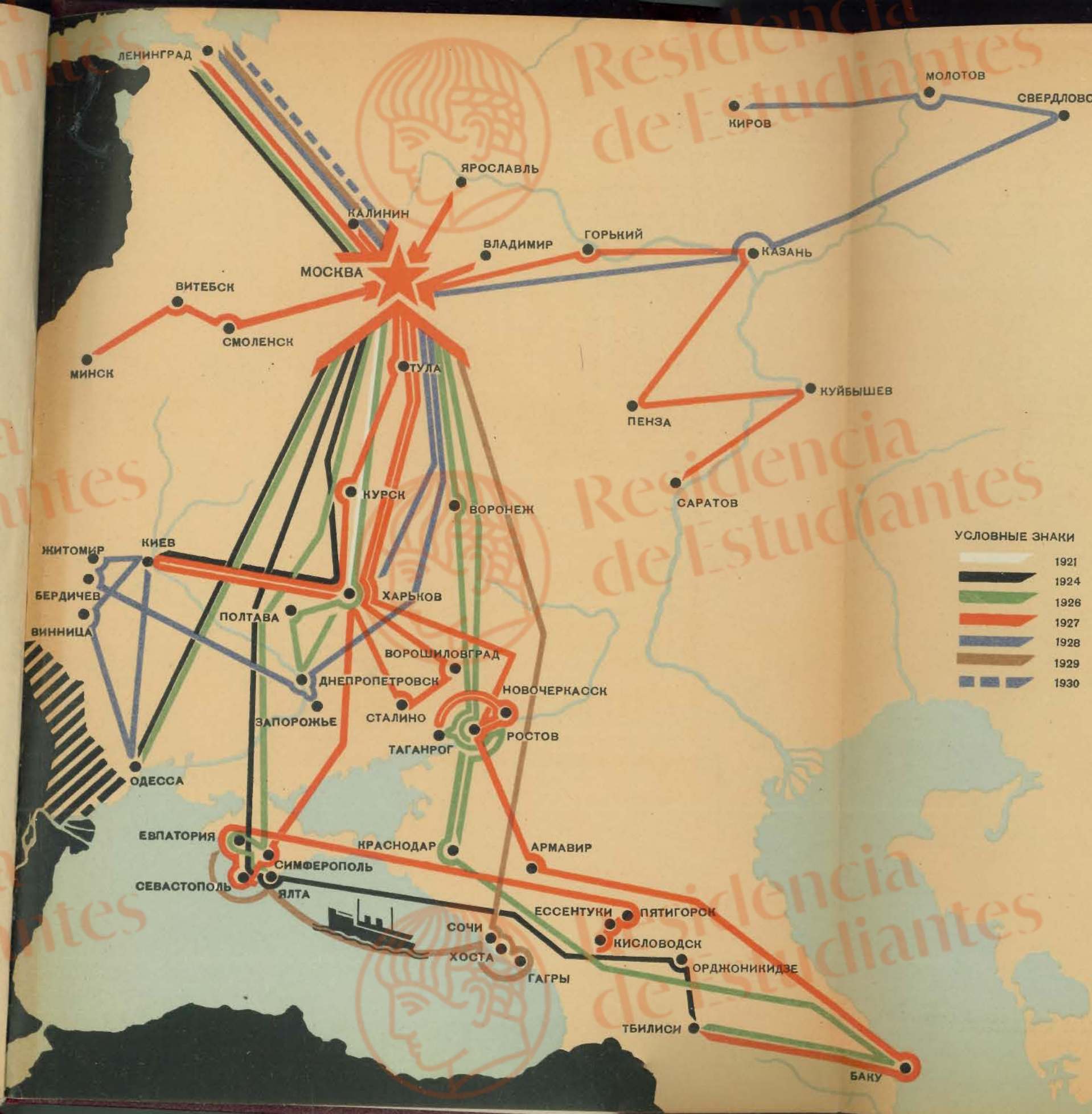
уделить ли нам?!

В. В. Маяковский на выставке „20 лет работы“. 1 февраля 1930 г.
(На фоне окон Роста)

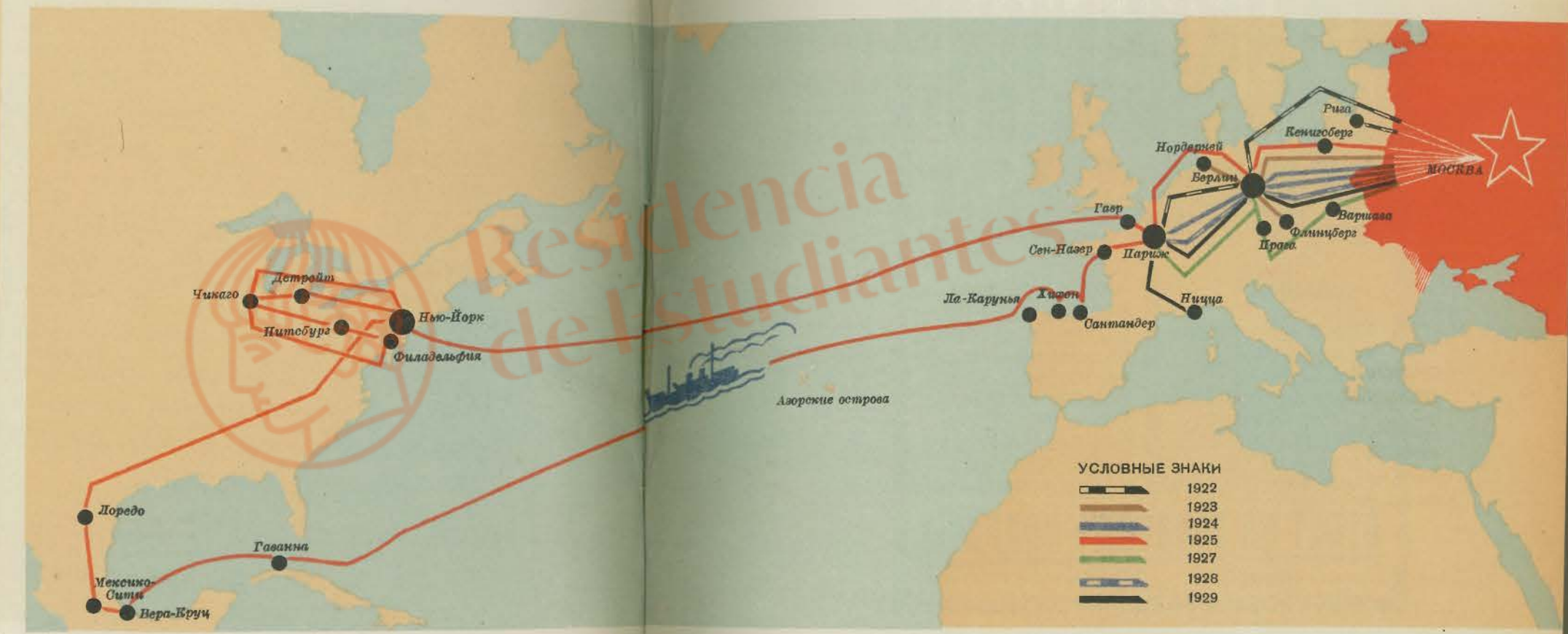
(Фото А. Штеренберга)

КАРТА ПОЕЗДОК В. В. МАЯКОВСКОГО ПО СР
1921—1930 гг.

„ПРОДОЛЖАЮ ПРЕРВАННУЮ ТРАДИЦИЮ
ТРУБАДУРОВ И МЕНЕСТРЕЛЕЙ. ЕЗЖУ ПО
ГОРОДАМ И ЧИТАЮ“.
В. МАЯКОВСКИЙ „Я САМ“

КАРТА ПОЕЗДОК В. В. МАЯКОВСКОГО ЗА ГРАНИЦУ
1922—1929 гг.

Карты составлены и оформлены художником Варварой Степановой
по материалам Музея библиотеки им. В. Маяковского.

Авторграф В. Маяковского. (Стихотворение "Домой").

[illegible]

выступит поэт
ВЛАДИМИР

МАЯКОВСКИЙ

ХОРОШО!

актёр

1. Шелест знамен...
2. Бей!!
3. Голова присяжного поверенного.
4. Усастый нянь.
5. Извольте понюхать!
6. Я товарищи, из военной бюры...
7. Которые тут временные? слазь!
8. Здравствуйте, Александр Блок!
9. Господа немешки, соберите кешки-ка!
10. Дядинька, что вы делаете тут?

11. Дым отечества.
12. с Лениным в башке и с ногом в руке.
13. Трансваль, Трансваль, страна моя...
14. Есть революция, а нету масла.
15. Куда идешь? В уборную иду, на Ярославский.
16. Две маршвинки несущие за зеленым хвостик.
17. Мы только мошки, мы ждем кормешки.
18. Сперли казну и удрали сволочи!
19. Пою мое отечество, республику мою.
20. Место лобное для головы ужасно неудобное.

III.
ОТВЕТ НА ЗАПИСКИ И ВОПРОСЫ

БИЛЕТЫ ПРОДАЮТСЯ. НАЧАЛО В 8¼ ЧАС. ВЕЧЕРА.

Афиша выступления В. Маяковского. Ленинград. 1927 г.